

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 1, pp. 8–23, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-8-23

Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 1

Павел Николаевич Дудин¹, Зуфар Фаатович Хусаинов²

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
(д. 40В, стр. 1, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат политических наук, директор
 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 18, Учебное здание № 01
(Главный корпус университета), ул. Кремлевская, 420008 Казань, Российская Федерация)
доктор юридических наук, профессор
 0000-0003-0388-588X. E-mail: zufar.hysainov@ksu.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена важному и содержательному периоду в истории не только двусторонних отношений между Россией и молодым Монгольским государством, но и становления нового регионального порядка в Восточной Азии. После крушения монархии в Китае и России во фронтальной зоне их соприкосновения образовался политический вакуум, который требовал пристального внимания и участия, чем и воспользовались Советы. Однако Соглашение об установлении дружественных отношений, заключенное в ноябре 1921 г., не следует рассматривать как некую точку отсчета, поскольку оно скорее претворяло уже имеющиеся договоренности, о которых и ведут речь авторы статьи. Исходя из этого *целью настоящей статьи* является на основе междисциплинарного подхода определить роль и значение тех документов (обращений, нот, писем и др.), которые до заключения Соглашения между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений от 5 ноября 1921 г. определяли и формализовали внешнюю политику Советской России в регионе и обеспечивали ее присутствие на территории Внешней Монголии. *Материалы и методы.* В своей работе авторы опираются на материалы, хоть и известные широкой научной об-

ственности посредством их публикации в различного рода сборниках советской эпохи, однако не рассматриваемые большинством исследователей в качестве важного инструмента обеспечения советских интересов на Дальнем Востоке. Таким образом, научная новизна выражается в представлении результатов изучения обращений, нот и писем сквозь призму знаний других гуманитарных наук — юриспруденции и политологии. В свою очередь данная позиция предопределила междисциплинарный характер настоящей статьи с опорой на исторические, юридические и политологические методы, а также с использованием дефиниций и категорий, применяемых в области международного права и международных отношений. С целью обеспечения более комфортного восприятия материала специалистами разных направлений он был разделен на две части. В первой части, которую и представляет настоящая статья, авторы сконцентрировали внимание на инструментариум исследования и его идеологической составляющей, а во второй части, оформленной в статью, готовящуюся к публикации в одном из следующих номеров журнала, — конкретные инструменты обеспечения «экспорта революции». *Выводы.* Поскольку исследовательское внимание уделено письмам и обращениям советской и монгольской стороны, а также другим документам, именуемым преддоговорными и раскрывающим истинный смысл и идеологическую подоплеку обновленных взаимоотношений, авторы заявляют о выделении нескольких ключевых направлений для сотрудничества, наиболее важным из которых является двухстороннее взаимодействие, включающее в себя «экспорт идеологии» и соответствующие инструменты его обеспечения, в числе которых значились отмежевание от прежнего режима, поддержка антиколониальных настроений, обеспечение равноправия во внешнеполитических вопросах и совместная борьба с общим идеологическим врагом — мировым капитализмом.

Ключевые слова: внешняя политика, стратегическое присутствие, Монголия, международный договор, соглашение, признание правительства, обращение, региональный политический порядок, Восточная Азия, социалистическая идеология

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00502 «Институты российского / советского стратегического присутствия в Восточной Азии в XX в.».

Для цитирования: Дудин П. Н., Хусаинов З. Ф. Преддоговорные основы «экспорта революции» в Восточной Азии и региональный политический порядок в зоне советского влияния: позитивный опыт и социалистическая идеология в Монголии. Год 1921. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 1. С. 8–23. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-8-23

Precontractual Essentials for the ‘Export of Revolution’ in East Asia and Regional Political Order in the Zone of Soviet Influence: Positive Experience and Socialist Ideology in Mongolia. The Year 1921. Part 1

Pavel N. Dudin¹, Zufar F. Khusainov²

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40B/1, Klyuchevskaya St., Ulan-Ude 670013, Russian Federation)

Cand. Sc. (Political Science), Director

 0000-0002-9407-8436. E-mail: dudin2pavel@gmail.com

² Kazan Federal University (18, Academic Building No. 01, Kremlevskaya St., 420008 Kazan, Russian Federation)

Dr. Sc. (Law), Professor

 0000-0003-0388-588X. E-mail: zufar.hysainov@ksu.ru

Abstract. *Introduction.* In November of 1921 after the meeting between Mongolian officials and Vladimir Lenin, an Agreement on Friendly Relations between the two states was concluded. This significant act confirmed the mutual recognition of the only legitimate government by both counterparties, measures of prevention of unfriendly actions by third parties, exchange of plenipotentiary representatives and ambassadors, state border regulations and the most favorable nation treatment for citizens whilst visiting the counterparty and jurisdiction. It also provided the regulations for a number of trade matters, intercommunication issues, questions of personal property etc., however, in actuality this document touched upon a smaller realm of mutual relations that had already been established before the execution of the Agreement, having been formalized in other documents, such as letters and memorandums. These precontractual acts are of genuine interest not only due to their uncertain legal nature and consequences, but also because they cover a much wider range of collaboration and cooperation issues than the Agreement dated November 5, 1921. *Goals.* So, the paper attempts an interdisciplinary insight into the mentioned documents (addresses, diplomatic notes, letters, etc.) to have preceded the Agreement and formalized Soviet Russia's foreign policy in the region and its presence in the territory of Outer Mongolia — to determine the role and impact of the former. *Materials and Methods.* The study focuses on widely known materials contained in diverse published collections of documents from the Soviet era that were never viewed by most researchers as important tools to have guaranteed the national interests in the Far East. To facilitate a more comfortable perception of the investigated materials by different specialists, the paper was divided in two — Part One to focus on research tools and its ideological essentials, and Part Two to emphasize certain instruments to have secured the 'export of revolution'. *Results.* The article specifies four key lines of cooperation: 1) bilateral collaboration that includes 'export of ideology' and sufficient tools thereto, such as disassociation from former political regimes, support for anticolonial sentiments, securement of equal rights in foreign policy issues, cooperative struggle against the common ideological enemy — world capitalism, 'soft power' in the form of educational projects; 2) security arrangements for Soviet territories and borders, including assistance to Mongolian comrades in their fight against the White Guard, allocation of the Red Army units within Mongolian territories until the complete eradication of the White threat, with the participation of military units from the Far Eastern Republic; 3) economic cooperation through mutual financial and economic support of industrial construction projects, resource development and social infrastructure initiatives, etc., 4) joint actions on the international stage pinnacle with the recognition of the Mongolian People's Republic by China (1945) and the rest of the world community (1961). This shows that during the shaping of the political agenda towards Mongolia the then Soviet leaders did not view contractual aspects of the mechanism as fundamental, and attached no paramount importance to international agreements, which had been distinctive of the Russian Empire.

Keywords: foreign policy, strategic presence, Mongolia, international treaty, agreement, government recognition, appeal, regional political order, East Asia, Socialist ideology

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 19-09-00502 'Institutions of Russian / Soviet Strategic Presence in East Asia: 20th Century'.

For citation: Dudin P. N., Khusainov Z. F. Precontractual Essentials for the 'Export of Revolution' in East Asia and Regional Political Order in the Zone of Soviet Influence: Positive Experience and Socialist Ideology in Mongolia. The Year 1921. Part 1. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14(1): 8–23. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-8-23

Введение

2021 г. для специалистов в области международных отношений в Восточной Азии и экспертов в сфере национальной безопасности в этой части Азиатского континента предполагает знаковое юбилейное событие: 100 лет установления дипломатических отношений между нашей страной и Монголией. Однако, несмотря на то, что Соглашения об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г. считается крупнейшей победой советской дипломатии на Востоке на раннем этапе формирования советской государственности, сам 1921 г. наполнен не менее яркими событиями и актами, нотами и обращениями, заслуживающими особого научного внимания, чему и посвящена настоящая статья.

Актуальность заявленного исследования обусловлена рядом факторов, имеющих место быть на высшем уровне государственной власти нашей страны. Так, первый фактор — сохранение исторической памяти о тех событиях, которые являются переломными для нашей страны: 3 сентября 2019 г. в Улан-Баторе состоялась официальная встреча президента России В. В. Путина и президента Монголии Х. Баттулги [Российско-монгольские переговоры 2019], которая проводилась в рамках праздничных мероприятий, посвящённых 80-летию победы советских и монгольских войск в боях на Халхин-Голе. Это особенно важно в связи с тем, что 2020 г. указом президента России объявлен «Годом памяти и славы». Второй фактор — это система международного права и международных отношений, складывающаяся в регионе и влияющая на формирование современного политического порядка в нем. Так Российская и монгольская сторона подписали договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Монголией и Российской Федерацией [Договор 2019] — самый высший уровень двустороннего сотрудничества; был обновлен межправительственный протокол по продлению срока действия межправительственного соглашения об оказании безвозмездной военно-тех-

нической помощи от 2004 г.; обсуждены вопросы логистической инфраструктуры (например возможности повышения эффективности деятельности совместного акционерного общества «УБЖД» в рамках продвижения двустороннего торгово-экономического сотрудничества или строительство железнодорожной линии Зуунбаян — Ханги [РФ, КНР и Монголия 2019], что явилось возможным после подписания в 2018 г. межправительственного соглашения о транзитных перевозках по железным дорогам; договоренность с российской компанией Fesco — владельцем дальневосточного порта Зарубино¹ о строительстве нового совместного угольного терминала [Клименко 2019] и т. д.). Можно привести и ряд более мелких и менее заметных, но не менее значимых событий, которые показывают важность для нашей страны взаимодействия с Монголией.

В связи с этим интересен опыт их взаимодействия, когда оба государства, устоявшиеся во взаимных отношениях с момента провозглашения независимости Монголии в 1911 г., перешли на новый этап своего государственного развития: наша страна встала на рельсы социалистических идей, а Монголия, во второй раз избавившаяся от попыток подчинения со стороны Китая, только выбирала путь своего развития.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования обусловлена междисциплинарным характером работы при доминирующем присутствии исторического научного знания, подразделена на общенаучные, исторические, политологические и юридические методы, подходы и принципы. Среди исторических методов, принципов и подходов мы опирались на проблемно-хронологический подход, описательно-повествовательный метод, нарративный подход, принцип историзма, историко-системный, ретроспективный, а также использовали внешнюю и

¹ FESCO и Монголия договорились о строительстве угольного терминала в Зарубино [электронный ресурс] // Порт Ньюс. Новости. 2019. 4 сентября. URL: <https://portnews.ru/news/283052/> (дата обращения: 8.10.2020).

внутреннюю критику источников как методологический прием и их текстологический анализ. Среди политологических и правовых методов, подходов и категорий применялись кроссисторические сравнения, поведенческий подход, сбор данных, тематический мониторинг источников и дискурс-анализ, а также категория международных лиц в качестве субъектов международного права и участников международных отношений, понятие государства и отдельные позиции относительно теории международного признания.

Основу источниковой базы и исследовательского материала составили письма, обращения и ноты, направленные друг другу советской и монгольской стороной, которые опубликованы в сборниках советской эпохи, междисциплинарный подход в работе с которыми позволил рассмотреть их в ракурсе категории регионального политического порядка и советского стратегического присутствия.

Региональный политический порядок в пространстве специальных российских / советских интересов в Восточной Азии (в преддверии заключения Соглашения между РСФСР и Монголией об установлении дружественных отношений)

Современное монголоведение: междисциплинарный подход

Традиционно советские и современные монголоеды уделяли и уделяют значительное внимание как пред-, так и постреволюционному периоду в новейшей истории Монголии. К числу наиболее авторитетных ученых следует отнести Б. В. Базарова, Е. А. Белова, В. В. Грайворонского, Ю. В. Кузьмина, С. Г. Лузянина и др. Наиболее полная историография дана в кандидатской диссертации А. В. Михалева [Михалев 2005]. Среди современных авторов, во многом по-новому смотрящих на события тех лет, в том числе и в ракурсе белого движения на Дальнем Востоке, — С. Л. Кузьмин, Л. В. Курас, А. В. Михалев и др. Так, крупный историк Л. В. Курас рассматривает проблему панмонголизма в ракурсе не только нацистроительства, как это было присуще для советской монголоведной школы, но и с точки зрения проектной инициативы японской стороны после революционных событий на Дальнем Востоке [Курас 2015]. Опи-

раясь на уникальные архивные материалы, многие из которых по-прежнему остаются недоступными для широкой научной общности, он исследует процесс отпадения забайкальских территорий, оказавшихся под властью Г. М. Семенова, от сферы влияния А. В. Колчака и в деталях реконструирует события вековой давности, которые должны были привести к созданию «Великого Монгольского государства». Здесь следует подчеркнуть, что ни монгольская государственность, ни белая государственность Дальнего Востока в таком ракурсе научной ревизии до этого не подвергались, за исключением работ С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2015a]. В своих работах Сергей Львович опирается на обширные отечественные и зарубежные (преимущественно монгольские) архивные фонды, уделяя значительное внимание монгольским элитам, их взаимоотношениям между собой и с внешним миром.

Еще один известный специалист в области российской политики в Восточной Азии и Монголии, отечественный политолог А. В. Михалев, вводит ряд интереснейших нарративов, которые заставляют по-иному взглянуть и на страну, и на эпоху. Во-первых, он исследует процесс «отмирания» имперской внешней политики на Дальнем Востоке вообще и в отношении Монголии, в частности, и замены ее советской [Михалев 2017b]. Во-вторых, он ведет разработку концепции советского присутствия [Михалев 2019], ориентированной на теорию прогресса. Ученый, рассматривая советское присутствие в Монголии, предлагает собственную оценку этого явления. Рассматривая деятельность советских специалистов в МНР, Алексей Викторович называет их «Прогрессорами» в противовес колонизаторам. По его мнению, миф Прогресса является ключевым для характеристики советского присутствия. Этот миф, возникший в политической философии нового времени, был направлен на преодоление социальной и технической отсталости, а также на искоренение форм дискриминации: колониальной, гендерной, социальной, расовой. Предложенная концепция является своего рода ответом ряду современных западных ученых (например: [Sneath 2003]), настаивающих на колониальном характере советского присутствия, что является следствием более раннего дискурса (например: [Knutsen

1959]). В-третьих, А. В. Михалев ведет речь о Монгольской Народной Республике как об «уникальном проекте советской эпохи» [Михалев 2015], в котором наши соотечественники, бежавшие от советской власти, находили убежище [Михалев 2017а] с подробным описанием их правового и социального положения вплоть до наших дней. В-четвертых, этим ученым активно исследуется политика исторической памяти в Монголии [Михалев 2020], что является ответом на общественный запрос на объективность в оценке роли и места нашей страны в развитии государств «социалистического блока» в противовес тому негативу, который формируется отдельными западными политическими деятелями и учеными.

Важно упомянуть и ряд современных монгольских ученых, придерживающихся принципа историзма и объективности в своих исследованиях. Ведущее место среди них принадлежит академику Ж. Амарсане, крупному ученому-юристу, благодаря усилиям которого научная общественность получила доступ ко многим историческим документам и нормативным правовым актам, О. Батсайхану, известному историку как эпохи Богдо-Хана, так и социалистического периода, на страницах трудов которого регулярно появляется новый архивный материал, и Ж. Баясаху — специалисту в области международных отношений, ратующему за усиление стратегического партнерства между нашими странами [Баясах 2017].

Вместе с тем следует отметить, что все указанные выше персоны — это приверженцы исторической науки, с классическими подходами к процессам и событиям и их восприятию. В связи с этим, ни сколько не умаляя их вклада в развитие монголоведной науки, данной статьей мы ставим задачу разнообразить научное поле междисциплинарным подходом и дополнить имеющиеся знания со стороны права и политологии.

Моделирование внешнеполитических процессов во фронтирной зоне на Дальнем Востоке в первой четверти XX в.

Социалистические идеи стратегического присутствия в регионе и формирования регионального политического порядка претворялись на практике молодым Советским государством в отношении своих восточных соседей — Монголии, Китая

и Японии. Здесь уместно говорить о трех подобных моделях: (а) модели взаимоотношений с братским народом, (б) модели взаимоотношений с сильным соседом и (в) модели взаимоотношений с противником. Последняя модель — это отношения с Японией и ее военными соединениями на континенте, начиная с 5 апреля 1918 г., когда «буржуазная Япония» была объявлена «смертельным врагом Советской республики» [Внешняя политика 1944: 67–68], и заканчивая 20 января 1925 г., когда была подписана Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией [Внешняя политика 1944: 3–5] (не считая отношений, урегулированных Русско-японской конвенцией от 13 февраля 1907 г., Русско-японским соглашением от 4 июля 1910 г., Русско-японской конвенцией от 25 июня 1912 г. и Русско-японским союзным договором от 3 июля 1916 г.). Но поскольку эти отношения не предполагали социалистической риторики, обращения к японскому народу и т. п., а выстраивались исключительно в ракурсе взаимодействия с руководством страны или ее военного командования, то в предмет нашего исследования не попадают. Модель взаимоотношений с сильным соседом, Китаем, требует отдельного исследовательского внимания в связи с политической дестабилизацией в этой стране и вытекающими из нее последствиями: 2 июля 1925 г. в ходе интервью Г. В. Чичерина об отношении СССР к событиям в Китае, нарком заявил, что советское правительство и общественность сочувствуют борьбе китайского народа за полное свое освобождение и независимость и за создание у себя централизованного демократического строя и что «грубейшей ложью является утверждение, что будто бы наше правительство хочет создавать или поддерживать в Китае состояние хаоса» [Внешняя политика 1945: 21–24]. И тем более пристального внимания заслуживают многочисленные договоры и соглашения между нашими странами как до, так и после 1911 г. Поэтому сосредоточим наши усилия на первой модели и стране ее воплощения, Монголии, которая может считаться эталонной для всего социалистического блока в послевоенный период.

К концу первого десятилетия существования первого в мире социалистического

государства в Восточной Азии сложилась относительно устойчивая и стабильная ситуация, характеризующаяся следующими факторами, получившими отражение в научной литературе:

а) советское государство было признано другими государствами региона;

б) знаковые разногласия и ключевые международные проблемы были разрешены двусторонними соглашениями с Монголией, Китаем и Японией;

в) прежние лидеры к марту 1925 г. умерли (Д. Сухэ-Батор, Такаси Хара, В. И. Ленин, Богдо-Хан, Сунь Ятсен), оставив идеологическое наследие, а новые главы государств и ключевые функционеры находились в состоянии перманентной политической борьбы либо болели (как, например, японский монарх Иосихито, что позволило регенту и будущему императору Хирохито обеспечить контроль над внутривластной ситуацией в своей стране);

г) в государствах региона принимают новые Конституции (Китай — 1923 г., СССР — 1924 г., Монголия — 1924 г. и РСФСР — 1925 г.), являющиеся своего рода программными документами и своеобразными «сигналами» для ближайших соседей;

д) Советский Союз и его руководство переходят к укреплению советской государственности и политике поддержки дружественных режимов и буферных государств, служащих защитой как в военном, так и в идеологическом планах [Дудин 2018]. В данном ракурсе следует упомянуть Туву, на которую, помимо советской стороны, претендовали и Китай, и Монгольское правительство после революции 1921 г., однако «тувинский вопрос» удачно избежал того, чтоб стать камнем преткновения в советско-китайских отношениях и не вошел ни в одно международное соглашение с Китаем первой половины 1920-х гг. [Белов, Лузянин 2000: 46].

Дипломатические сношения СССР и входящих в состав Союза Республик с другими государствами возлагалось на Народный комиссариат иностранных дел СССР [Сборник действующих договоров 1924: 29–30]. Безусловно, молодому Советскому государству требовался яркий пример взаимоотношений с другими странами, и таким примером стала Монголия, «первый в ми-

ровой истории образец межгосударственных отношений социалистического типа, получивших свое дальнейшее воплощение и развитие в мировом социалистическом содружестве» [Советско-монгольские отношения 1975: V]. И хотя первые контакты между обновленным руководством каждой из сторон относятся еще к 1920 г. [Кузьмин 2015б], основные события разворачиваются именно в 1921 г. Однако здесь важно упомянуть, что Монголия уже выступала в недавнем прошлом в качестве своеобразного эталона продуманной и взвешенной внешней политики нашей страны в 1911–1915 гг., давшей свои плоды в виде эффективного буфера на долгие годы. Поскольку в 1911 г. личная уния между Халха-Монголией и Маньчжурской династией была расторгнута [Энгельфельд 1925: 136], в результате чего на политической карте мира появляется новое государство, Монголия, ее руководство стремилось не только обустроить внутреннюю организацию государственного аппарата [Белов 1998: 44] и территории [Лузянин 2003: 68], разработать новое законодательство [Авирмэд, Дашцэдэв, Совд 1997: 107] и обеспечить замену китайских чиновников своими кадрами [Содовсүрэн 1989: 95–96; Амарсанаа, Батсайхан, Түвшинтулга 2013: 3; Болдбаатар, Лундээжанцан 1997: 390–392; Батсайхан, Лонжид, Хажидсүрэн 2005: 130–134] (важно отметить, что и социалистическое руководство в 1923–1924 гг. пошло по тому же пути — незамедлительно организовало выборы, сменив прежние кадры на свои [Дашням 1979: 130], и пересмотрев территориальное устройство МНР [Болор-Эрдэнэ 1999]), но и заручиться поддержкой международного сообщества, без России здесь было не обойтись [Нольде 1930: 73].

В итоге были подписаны русско-монгольское соглашение о гарантиях со стороны России автономии Халхи в составе Китая от 21 октября 1912 г., декларация с Китайской Республикой о статусе Внешней Монголии от 5 ноября 1913 г. [Нольде 1915: 2160; NN 1915; Воллосович 1916а; Воллосович 1916б], а также Тройственное соглашение от 7 июня 1915 г. с участием российской, монгольской и китайской сторон. Региональный порядок был установлен, но продержался менее двух лет.

«Дальневосточный вектор» внешней политики Советской России и его монгольское преломление

С крушением империи новые власти нашей страны отказались признавать себя преемниками предыдущей и, как следствие, объявили все договоры и обязательства, сделанные от ее имени, ничтожными. Однако, несмотря на столь широкий жест, целью которого была публичная демонстрация добрососедских намерений, политические реалии требовали бдительной внешней политики и обеспечения безопасности восточных рубежей государственной границы, тем более что за ней сумел создать себе плацдарм главнейший враг молодого социалистического государства — барон Роман Фёдорович Унгерн. В результате революционная эйфория не помешала добиться желаемого порядка в регионе, и сделать это стало возможно без официальных церемоний, переговоров и подписания витиеватых документов. Взаимодействие на описываемом же этапе предполагалось по нескольким направлениям: использование «мягкой силы» посредством образовательных проектов; обеспечение безопасности советской территории и советских границ; экономическое сотрудничество; совместные действия на международной арене. Но в настоящей статье мы сосредоточим внимание на важнейшем направлении (I) — на двухстороннем взаимодействии, включающем в себя идеологическую основу «экспорта идеологии» и соответствующие инструменты его обеспечения:

1) отмежевание от прежнего режима: «прежнее царское правительство» [*Сборник действующих договоров 1935: 52*], «царский режим» [*Сборник действующих договоров 1935: 53*] и т. д.;

2) поддержка антиколониальных (в первую очередь антикитайских) настроений. Советско-монгольская пропаганда регулярно извещала о том, что накануне «Народной революции» «феодално-теократическая» Монголия находилась в полуколониальной зависимости от Китая, являлась объектом жестокой эксплуатации со стороны империалистических держав. Так, Д. Сухэ-Батор в беседе с начальником караула Худэр Цэдэнбалжиром о привлечении аратов пограничных хошунов к революционной борьбе обращал внимание на то, что китай-

ские военные, захватив силой монгольскую землю, подвергли монгольский народ горю и лишениям, что заставило его вступить в борьбу и добиться в ней поддержки от Советской России [*Советско-монгольские отношения 1975: 3*]. Во внешнеполитическом отношении страна находилась, по существу, в полной изоляции [*Советско-монгольские отношения 1975: X*]. Это необходимо было для того, чтобы монгольская сторона не предпринимала попыток искать альтернативу советским отношениям во взаимодействии с китайскими властями и представителями других держав, как это делает современная Монголия, выстраивая концепцию «Третьего соседа» [*Базаров 2017*]. На этой почве, когда любое сотрудничество с китайской стороной автоматически возводило сотрудничающих в ранг предателей, было удобно объяснять глубоко верующему народу с давними традициями почитания власти, почему прежний режим был губительным для страны и народа, а новый — благодатный и необходимый;

3) равноправие во внешнеполитических вопросах. Так, советская сторона, предлагая равноправное сотрудничество и взаимодействие, видела его базирующимся на ленинских принципах политики мира и мирного сосуществования государств с различными общественно-социальными системами, тогда как позиция прежнего теократического режима, «напуганного революционными событиями в России» [*Советско-монгольские отношения 1975: XI*], сводилась к сохранению своих прав, интересов и привилегий, что и подтолкнуло его встать «на путь предательства национальных интересов страны» [*Советско-монгольские отношения 1975: XI*] и согласиться на оккупацию страны китайскими военными, в результате страна потеряла самостоятельность, была установлена диктатура. Здесь следует упомянуть о том, что еще в 1916 г. генеральный консул России в Монголии А. Я. Миллер предлагал осуществление во Внешней Монголии государственного переворота с целью «отделения церкви от государства» [*Белов 1997: 68*], хотя на самом деле вопрос касался обеспечения предсказуемости принятия политических решений со стороны монгольского руководства, однако министерством иностранных дел России идея переворота поддержана не была [*Белов 1997:*

68]. В новых условиях уже советское руководство понимало, что инициативу упустить нельзя. Ситуацию усугубили вторгшиеся на территорию Монголии «остатки белогвардейских банд барона Унгерна, отступавшие под ударами Красной Армии» [Советско-монгольские отношения 1975: XI]. Об этом говорилось в постановлении Первого съезда Монгольской Народной партии от 22 марта 1921 г.: «...никакого примирения с русскими белогвардейцами, вторгнувшимися в настоящее время в пределы Монголии... и призывающими за собой врагов нашей страны. Установление и непрерывное укрепление дружественных отношений с Советской Россией пойдет только на благо нашему великому делу сейчас и в будущем, ибо заявления Советской России о том, что ее политика не преследует других целей, кроме оказания помощи народным массам, полностью соответствуют действительности» [Советско-монгольские отношения 1975: 4]. А неделей ранее в обращении Центрального комитета Монгольской народной партии (далее — ЦК МНП) и командования Народной армии к Советскому правительству и Коминтерну с заверениями в дружбе и солидарности от 15 марта 1921 г. говорилось, что «ЦК... и Главное управление войсками партии приложат все усилия к тому, чтобы... изолировать монголов, находящихся в войсках Унгерна, и других русских белогвардейцев... наша Монгольская народная армия ни при каких обстоятельствах не допустит измену и переход на сторону русских белогвардейцев и монголов, присоединившихся к ним» [Советско-монгольские отношения 1975: 4–5]. Регулярно делались акценты на том, что советское правительство отказалось от всех старых, неравноправных и кабальных договоров, «навязанных царизмом» [Советско-монгольские отношения 1975: XI], и аннулировало долги Монголии по займам царской России. Аналогичная позиция прослеживается и в советско-китайских отношениях несколькими годами позднее;

4) совместная борьба. Несмотря на то, что дать отпор оккупантам и интервентам поднимаются монгольские народные массы, руководство которыми берет на себя Монгольская народно-революционная партия [Советско-монгольские отношения 1975: XII], борьба ведется и с участием советских

граждан, которые так же, как и монголы, отдают свои жизни за правое дело. При этом также подчеркивалось, что без помощи частей Красной Армии, откликнувшихся на просьбу Временного Народного правительства, добиться успеха было бы невозможно. Рефреном шла мысль о том, что «весь путь развития Монголии после 1921 г., путь прогресса во всех областях жизни общества, подтвердил мысль В. И. Ленина о том, что переход от феодализма к социализму, минуя капитализм, возможен только при братской помощи пролетариата страны победившего социализма» [Советско-монгольские отношения 1975: XII]. И это, безусловно, было так: советская сторона предпринимала все необходимые меры для того, чтобы монгольские товарищи имели возможность беспрепятственного участия в военных кампаниях. Так, за номером 487/к от 20 января 1921 г. монгольскому революционеру, а в дальнейшем — главному герою всех описываемых событий Д. Сухэ-Батору был выдан мандат пограничного отряда на право пересечения границы и получения помощи со стороны гражданских и военных организаций РСФСР, дающий право беспрепятственного перемещения и пересечения границы в обе стороны и на любом участке, право на ношение оружия, запрещающий досмотр и конфискацию его имущества и обязывающий гражданские и военные учреждения оказывать ему необходимое содействие [Советско-монгольские отношения 1975: 1]. Все эти составляющие нашли свое отражение в Обращении Реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной Армии на территорию Монголии от 21 июня 1921 г. [Советско-монгольские отношения 1975: 14–17], как и всякий подобный акт, он был преисполнен торжественности, восторженных эпитетов и ярких фраз. С первых строк монгольский народ, «угнетенный до сих пор», объявлялся другом рабоче-крестьянского народа России, которому протянута «рука братской симпатии» [Советско-монгольские отношения 1975: 14]. Объявлялась цель, преследуемая РККА, которая исключала завоевательные помыслы и стремилась установить мир и дружбу со всеми другими народами земли. Говорилось о том, что «[в]ойска рабоче-крестьянской России и Дальневосточной республики не останутся в Монголии

больше, чем это будет нужно для нанесения окончательного удара общему врагу, царскому генералу, кровожадному барону Унгерну» [Советско-монгольские отношения 1975: 16], осуществив помощь в налаживании собственного монгольского свободного управления. Формировался позитивный образ борца с угнетателем и готовность делиться этим опытом со своими соседями: «...свергнув у себя, в своих собственных пределах, гнусное иго кровавого царизма — этого врага и угнетателя собственного народа, как и всех живших под его властью, свергнув точно так же иго кровопийцев² и эксплуататоров помещиков и капиталистов» [Советско-монгольские отношения 1975: 14]. «Рабочие и крестьяне России желают видеть братский монгольский народ свободным от всякого иностранного гнета» [Советско-монгольские отношения 1975: 17]. Перечислялись империалистические державы (Англия, Франция, Япония и другие), которые оказывали помощь прежним угнетателям, особый акцент делался в отношении Японии, чьи генералы и капиталисты стремились «поработить монгольский народ» [Советско-монгольские отношения 1975: 15]. Перечислялись ужасы (вести войну против братского трудящегося народа России, проливать свою кровь, платить подати, терпеть военных инструкторов с бичами в руках и т. д.), которые монгольскому народу пришлось пережить, прежде чем ему на помощь пришли освободительные силы, а также рисовались страшные перспективы (ее агенты и слуги будут вас обирать и истязать, будут подвергать вас и ваши семейства насилию и сделают из вас своих рабов. Они захватят недра Монголии, отберут у вас лучшие земли и поселят там своих разжиревших японских капиталистов. Из родной вам Монголии они сделают вторую Корею и т. д.), которые грозили бы Монголии от Японии, не приди ей на помощь Советы. Упоминание Народного монгольского правительства также было облечено торжественностью, а само оно названо избавителем от всех притеснений, тягот и иностранного ига. Используя давнее стремление монголов к самостоятельности и независимости, обращение особенно подчеркивало отсутствие намерения пося-

гать на монгольскую самостоятельность и уважение их желания жить и развиваться «у себя в своих собственных хошунах» [Советско-монгольские отношения 1975: 16].

Одновременно с этим шла работа с сознанием солдат Красной Армии в части не только укрепления их духа и боеспособности, но и понимания ситуации и ее глубинного, идеологического смысла. 25 июня 1921 г. за подписью члена Революционного военного совета 5-й армии, начальника политуправления РВС войск Сибири В. Мулина было выпущено Обращение политуправления реввоенсовета войск Сибири к личному составу экспедиционного корпуса в связи со вступлением советских войск в пределы Монголии [Советско-монгольские отношения 1975: 20–25]. С первых же строк обозначалась задача уничтожения живых сил Унгерна, для чего необходимо было взять Ургу (совр. Улан-Батор), завоеванную бароном. Сам Р. Ф. Унгерн объявлялся бандитом и врагом трудового народа. И действительно, ликвидация сил этого противника обеспечила бы контроль не только над приграничными областями, но и над всей Монголией: было известно, насколько велик авторитет Р. Ф. Унгерна у Богдо-хана, а значит — и среди монгольского населения. Войска барона были хорошо подготовлены и вооружены, а для личного состава Красной Армии ситуация усугублялась тем, что объявленные врагами трудового народа белогвардейцы зачастую были их земляками и родственниками, поскольку и с той, и с другой стороны отряды формировались из местных жителей. Поэтому операция должна была быть реализована не только молниеносно, но и жестко, для обеспечения чего и было выпущено Обращение, объявлявшее борьбу с врагом справедливой и священной, а врага — инициатором развязывания войны. Имеет место апелляция к международному сообществу, которому неоднократно заявлялось и подтверждалось на деле стремление Советов со всеми жить в мире. Любопытно, что «бандита и вешателя крестьян и рабочих Сибири» [Советско-монгольские отношения 1975: 21] Р. Ф. Унгерна обвиняют в монархизме, в стремлении «спасти Россию под скипетром императора Михаила II» [Советско-монгольские отношения 1975: 21]. Возможно, это был косвенный выпад против власти и статуса Богдо-хана,

² Так в источнике.

также абсолютного монарха, которого барон всячески поддерживал и получал в ответ помощь и поддержку [Ширендыб 1963: 59]. Необходимость захода на иностранную территорию объяснялась тем, что Монголия во власти белых представляет собой удобную базу для подготовки наступления на Советскую Россию, помощь в котором оказывает Г. М. Семенов, опирающийся, в свою очередь, на таких же «бандитов и японских империалистов» [Советско-монгольские отношения 1975: 21]. Красной Армии налагалась миссионерская, «священная, историческая» функция освобождения «многострадального монгольского народа», подтверждением чему служила совместная борьба, в которой принимали участие и сами монголы в лице своих военизированных, правительственных и партийных структур. В очередной раз подтверждалось решение о том, что советские войска намерены были покинуть территорию Монголии после успешного завершения операции, в связи с чем на них возлагались особые моральные обязательства. Так воин Красной Армии должен был являть собой «высокий образец настоящих воинов-освободителей» [Советско-монгольские отношения 1975: 22], с уважением относящихся к местным обычаям и нравам, религиозным убеждениям, храмам, реликвиям и национальным чувствам: «Нужно помнить, что быт народа складывается столетиями и не в нашей воле изменить сразу в несколько месяцев то, что въелось в плоть и кровь народа», а «[м]онгольский народ на деле должен убедиться, что мы пришли как друзья, а не как враги» [Советско-монгольские отношения 1975: 22]. Особо оговаривался строгий запрет к мародерству, поскольку в этом виделось уподобление барону Р. Ф. Унгерну и его соратникам, чего следовало избегать. Отдельной строкой оговаривалось: «Во избежание всяких трений и нежелательных недоразумений между Красной Армией и монгольским народом при всех крупных воинских соединениях будут следовать официальные представители Народно-революционного правительства Монголии и представители Народного комиссариата иностранных дел. Все сношения с местным населением должны вестись через названных представителей» [Советско-монгольские отношения 1975: 23]. Предписывалось воздерживаться

от участия в смене власти на местах, предоставляя эту задачу представителям Народно-революционного правительства Монголии, равно как и меры, принимаемые для обеспечения снабжения военных. Одновременно с этим политработникам и комиссарам предписывалось «развить... самую энергичную агитацию среди красноармейских масс» [Советско-монгольские отношения 1975: 23], искать «толковых коммунистов», способных разъяснить красноармейцам цель и задачи монгольской операции, и далее шло детальное разъяснение тактики ведения агитации и обеспечения снабжения. В итоге поставленная задача была выполнена, ближайшее окружение Р. Ф. Унгерна было ликвидировано, сам он захвачен в плен, предан суду, приговорен к расстрелу и казнен [Советско-монгольские отношения 1975: 52], а Монголия «вырвана из враждебных рук... [и] передана дружественному Народно-революционному монгольскому правительству» [Советско-монгольские отношения 1975: 41].

В свою очередь в самой Монголии пропагандистская и идеологическая работа также велась по нескольким направлениям. Так, в ответ на Обращение реввоенсовета войск Сибири к монгольскому населению в связи с вступлением Красной Армии на территорию Монголии Центральный Комитет Монгольской народной партии 25 июня 1921 г. обратился к своему народу в связи с вступлением Красной Армии на территорию Монголии. В нем, во-первых, подтверждалась цель Красной Армии оказать помощь «угнетенным народам всего мира в деле их национального освобождения» [Советско-монгольские отношения 1975: 20] и намерение вернуться в Россию «... как только покончит с унгерновскими и другими бандами» [Советско-монгольские отношения 1975: 20]. Во-вторых, она противопоставлялась белогвардейцам барона Р. Ф. Унгерна, китайцам, «которые занимаются только грабежами и убийствами», и армиям империалистических государств, «которые стремятся лишь к хищническому захвату чужих земель, имущества, людей и скота» [Советско-монгольские отношения 1975: 20]. Таким образом, предполагалось внести порядок и успокоить население и со стороны своего же партийного руководства. После разгрома Р. Ф. Унгерна и окон-

чательного утверждения так называемого «Народного правительства» настала очередная фаза идеологической работы на государственном уровне. Был инициирован и приказом Д. Сухэ-Батора № 51 от 4 ноября 1922 г. [Советско-монгольские отношения 1975: 81–82] впервые 7 ноября 1922 г. был проведен военный парад. Было детально регламентировано построение, порядок движения родов войск, подача рапортов и т. д., закреплено произведение салюта, 7 и 8 ноября объявлялись выходными праздничными днями, а личному составу монгольских и советских частей предписывалось выдавать на три праздничных дня дополнительный паек.

Заключение

Подводя промежуточный итог нашей работы и настоящей статьи, подчеркнем, что двустороннее взаимодействие оказалось именно той идеологической компонентой, которая определяла «программу действий» и послужила основой для совместных шагов, не требуя при этом специальных оговорок или уточнений, сложных переговоров и соблюдения дипломатического протокола и других формальностей. Иные же направления, о которых речь пойдет во второй части нашей работы в одном из следующих номеров, предполагали нали-

чие преимущественно тех ресурсов, которых у монгольской стороны на тот момент не было: использование «мягкой силы» посредством образовательных проектов — квалифицированных кадров; обеспечение безопасности советской территории и советских границ — значительных военных ресурсов; экономическое сотрудничество — существенной материальной базы; совместные действия на международной арене — политического веса на этой самой арене, а всё вместе — значительных финансовых затрат. Двустороннее взаимодействие, в отличие от них, опиралось, во-первых, на волю, подпитываемую громкими и понятными каждому человеку лозунгами, а во-вторых, на непосредственное участие и политическое согласие монгольской стороны, без которых оказалось бы невозможным только силами Советской России предание порицанию прежнего режима, губительного для народов «пробуждающейся Азии» и заботящегося лишь о собственном сохранении и обогащении, обличение алчности колониализма и иностранного империализма, готовность ратовать за равноправие стран и народов, а также готовность к поддержке своих собратьев в справедливой борьбе с общим врагом.

Литература

- Базаров 2017 — Базаров В. Б. «Третий сосед» Монголии в восточноазиатском пространстве // Власть. 2017. Т. 25. № 5. С. 136–140.
- Батсайхан, Лонжид, Хажидсурэн 2005 — Батсайхан О., Лонжид З., Хажидсурэн Ч. Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг (= Законодательные акты Монголии, имеющие верховное утверждение). Улаанбаатар: Чоижил, 2005. 275 х.
- Баясах 2017 — Ж. Баясах. Новое развитие отношений между Монголией и соседними странами // Eurasia: statum et legem. 2017. № 8. С. 6–12.
- Белов 1997 — Белов Е. А. Как была ликвидирована автономия Внешней Монголии // Азия и Африка сегодня. 1997. № 5. С. 64–68.
- Белов 1998 — Белов Е. А. Россия и Монголия в начале XX в. (1911–1919 гг.). М.: ИВ РАН, 1998. 237 с.
- Белов, Лузянин 2000 — Белов Е. А., Лузянин С. Г. О концепции монгольского вопроса в «Истории Монгольской Народной Республики» // Восток. 2000. № 1. С. 43–69.
- Болор-Эрдэнэ 1999 — Болор-Эрдэнэ Л. Административно-территориальное устройство Монголии: историко-правовые аспекты [электронный ресурс] // Закон. Интернет-журнал Ассоциации юристов Приморья. URL: http://law.vl.ru/analit/show_atr.php (дата обращения: 12.07.2016).
- Клименко 2019 — Клименко О. В Приморье построят еще один угольный порт [электронный ресурс] // Золотой рог (ZRpress). 2019. 4 сентября. URL: https://www.zrpress.ru/business/primorje_04.09.2019_95536_v-primorje-postrojat-esche-odin-ugolnyj-port.html (дата обращения: 08.10.2020).
- Внешняя политика 1944 — Внешняя политика СССР: Сб. док. Т. I: (1917–1920 гг.) / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б); сост.: науч. сотр. Кабинета социально-экономических наук ВПШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминев. М.: ВПШ при ЦК ВКП(б), 1944. 571 с.

- Внешняя политика 1945 — Внешняя политика СССР: Сб. док. Т. III: (1925–1934 гг.) / Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Кабинет социально-экономических наук; сост. науч. сотр. Кабинета социально-экономических наук ВППШ при ЦК ВКП(б) А. С. Тисминец. М.: ВППШ при ЦК ВКП(б), 1945. 800 с.
- Воллосович 1916а — Воллосович М. Письма из Монголии: исследование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 38–39. С. 34–50.
- Воллосович 1916б — Воллосович М. Письма из Монголии: преобразование Монголии // Вестник Азии. 1916. № 37. С. 44–50.
- Дашням 1979 — Дашням И. Правовые проблемы возникновения и развития избирательной системы МНР: дисс. ... канд. юрид. наук. Улан-Батор, 1979. 158 с.
- Договор 2019 — Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией [электронный ресурс] // Бюллетень международных договоров, 2019. № 12 (декабрь). С. 28–33. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-7/58600 (дата обращения: 08.10.2020).
- Дудин 2018 — Дудин П. Н. Буферные государства как инструмент обеспечения стратегического присутствия в регионе Восточной Азии: советский и японский опыт // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 6. С. 50–65.
- Кузьмин 2015а — Кузьмин С. Л. Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность // Eurasia: statum et legem. 2015. № 1 (4). С. 97–107.
- Кузьмин 2015б — Кузьмин С. Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству советской России. Июль 1920 г. // Исторический архив. 2015. № 6 (135). С. 117–129.
- Курас 2015 — Курас Л. В. «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // Eurasia: statum et legem. 2015. № 1 (4). С. 84–96.
- Лузянин 2003 — Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Огни, 2003. 320 с.
- Михалев 2005 — Михалёв А. В. Монгольская революция 1921 года в советской и российской историографии: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005. 154 с.
- Михалев 2015 — Михалев А. В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. № 9 (308). С. 105–119.
- Михалев 2017а — Михалев А. В. За границами двух империй: русская метисность во Внешней Монголии XX века // Ab imperio. 2017. № 1. С. 297–261.
- Михалев 2017б — Михалев А. В. Постжелтороссия, или Русские колонисты в социалистической Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 4 (28). С. 80–88.
- Михалев 2019 — Михалев А. В. «Прогрессоры степей» или советские специалисты в Монголии: историческая память об одном политическом проекте // Восточные ветви российской диаспоры в прошлом и настоящем (коллективная монография). М.: ИВ РАН, 2019. С. 15–34.
- Михалев 2020 — Михалев А. В. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии // Политическая наука. 2020. № 2. С. 126–142.
- Нольде 1930 — Нольде Б. Э. Далекое и близкое: исторические очерки. Париж: Современные записки, 1930. 278, [4] с.
- Нольде 1915 — Нольде Б. Э. Международное положение Монголии // Право. Еженедельная юридическая газета. 1915. № 34. 23 августа. Стб. 2153–2168.
- NN 1915 — NN. Обзор событий на Дальнем Востоке. Монголия // Вестник Азии. 1915. № 34. С. 243–246.
- Российско-монгольские переговоры 2019 — Российско-монгольские переговоры [электронный ресурс] // Новости. Сайт президента РФ. 3 сентября 2019 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61429> (дата обращения: 08.10.2020).
- РФ, КНР и Монголия 2019 — РФ, КНР и Монголия нацелены на развитие УБЖД. Железнодорожная тематика обсуждена на саммите ШОС [электронный ресурс] // Транспортный портал Gudok.ru. Инфраструктура. 17.06.2019. URL: <https://www.gudok.ru/news/?ID=1467234> (дата обращения: 08.10.2020).
- Сборник действующих договоров 1924 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 года / СССР. Народный Комиссариат по Иностранным Дела; собран и отредактирован: А. В. Сабанин, М. М. Воскресенский. М.: Тип. Центросоюза, 1924. 436 с.

- Сборник действующих договоров 1935 — Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. I–II: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1925 года / СССР. Народный Комиссариат по Иностранным Дела; под ред.: А. В. Сабанин, В. О. Броун. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-е НКВД, 1935. 484 с.
- Советско-монгольские отношения 1975 — Советско-монгольские отношения 1921–1974: Док. и мат-лы: в 2 т. Т. 1: 1921–1940 / Глав. арх. упр. при Совете Министров СССР; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Ин-т востоковедения АН СССР; Мин-во ин. дел СССР; Мин-во внеш. торг. СССР; Госкомитет Совета Министров СССР по внешним экон. связям; Ин-т экономики мировой соц. системы АН СССР; Глав. арх. упр. при Мин-ве общ. безопасности МНР; Ин-т истории партии при ЦК МНРП; Ин-т истории АН МНР; Мин-во ин. дел МНР. М.: Международные отношения; Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. XVIII, 589 с.
- Ширендыб 1963 — *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX веков (история социально-экономического развития). Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. 518 с.
- Энгельфельд 1925 — *Энгельфельд В. В.* Очерки государственного права Китая // Известия Юридического факультета = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin / Высшая Школа в Харбине. 1925. Т. II. 255 с.
- Авирмэд, Дашцэдэв, Совд 1997 — *Авирмэд Э., Дашцэдэв Д., Совд Г.* Монгол хууль: Уламжлал, шинэчлэл Монголын төр эрх зүйн түүхэн сэдэв (= Монгольское право: традиционные отношения и новые исторические проблемы монгольского государства). Улаанбаатар: Education Company, 1997. 107 х.
- Амарсанаа, Батсайхан, Түвшинтулга 2013 — *Амарсанаа Ж., Батсайхан О., Түвшинтулга А.* Оршил Болгох Нь / Монгол Улсын засгийн газар түүхэн товчоон (1911–2012) (= История и основные институты правительственных учреждений Монголии (1911–2012)). Улаанбаатар: Адмон, 2013. 243 х.
- Болдбаатар, Лундээжанцан 1997 — *Болдбаатар Ж., Лундээжанцан Д.* Монгол улсын төр эрх зүйн туухэн уламжлал (= История и традиции монгольского государства и права). Улаанбаатар: Адмон, 1997. 393 х.
- Содовсүрэн 1989 — *Содовсүрэн Б.* Хувьсгалын өмнөх Монголын төр ба хууль цааз (= Дореволюционное монгольское государство и право). Улаанбаатар: УХГ, 1989. 109 х.
- Knutsen 1959 — *Knutsen J. N.* Outer Mongolian Study in Soviet colonialism. Hong Kong: Union Research Institute. 1959. 182 p.
- Sneath 2003 — *Sneath D.* Lost in the Post: Technologies of Imagination, and the Soviet Legacy in Post-Socialist Mongolia // Inner Asia. 2003. Vol. 5. No. 1. Pp. 39–52.

References

- Agreement of Friendly Relations and Overall Strategic Cooperation between the Russian Federation and Mongolia. *Byulleten' mezhdunarodnykh dogovorov*. 2019. No. 12 (December). Pp. 28–33. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-7/58600 (accessed: October 8, 2020). (In Russ.)
- Amarsanaa Zh., Batsaikhan O., Tuvshintulga A. Government of Mongolia, 1911–2012: History and Key Agencies. Ulaanbaatar: Admon, 2013. 243 p. (In Mong.)
- Avirmed E., Dashtsedev D., Sovd G. Mongolian Law: Traditional Relations and New Historical Problems of the Mongolian State. Ulaanbaatar: Education Company, 1997. 107 p. (In Mong.)
- Batsaikhan O., Lonzhid Z., Khazhidsuren Ch. Supreme Legislative Acts of Mongolia. Ulaanbaatar: Choizhil, 2005. 275 p. (In Mong.)
- Bayasakh Zh. New development of relations between Mongolia and its neighbors. *Eurasia: statum et legem*. 2017. No. 8. Pp. 6–12. (In Russ.)
- Bazarov V. B. A third neighbor of Mongolia in the East Asian space. *Vlast'*. 2017. Vol. 25. No. 5. Pp. 136–140. (In Russ.)
- Belov E. A. How autonomy of Outer Mongolia was abolished. *Asia & Africa Today*. 1997. No. 5. Pp. 64–68. (In Russ.)
- Belov E. A. Russia and Mongolia in the Early 20th Century: 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1998. 237 p. (In Russ.)
- Belov E. A., Luzyanin S. G. History of the Mongolian People's Republic: concept of the Mongolian question revisited. *Vostok (Oriens)*. 2000. No. 1. Pp. 43–69. (In Russ.)
- Boldbaatar Zh., Lundeezhantsan D. Mongolian State and Law: History and Traditions. Ulaanbaatar: Admon, 1997. 393 p. (In Mong.)

- Bolor-Erdene L. Administrative and territorial structure of Mongolia: historical and legal aspects. On: *Zakon*. Online journal by the Association of Primorye's Lawyers. Available at: http://law.vl.ru/analit/show_atr.php (accessed: July 12, 2016). (In Russ.)
- Dashnyam I. Electoral System of the Mongolian People's Republic: Legal Issues of the Emergence and Development. Cand. Sc. (law) thesis. Ulaanbaatar, 1979. 158 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. Buffer states as a tool for ensuring a strategic presence in the East Asian Region: the Soviet and Japanese experience. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2018. No. 6. Pp. 50–65. (In Russ.)
- Engelfeld V. V. Essays on China's Political Law. Ser.: Memoirs of the Faculty of Law in Harbin. Higher Education in Harbin. 1925. Vol. II. 255 p. (In Russ.)
- Klimenko O. Another coal port to be built in Primorye. On: *Zolotoy rog (ZRpress)*. Online media outlet. Posted on September 4, 2019. Available at: https://www.zrpress.ru/business/primorje_04.09.2019_95536_v-primorje-postrojat-esche-odin-ugolnyj-port.html (accessed: October 8, 2020). (In Russ.)
- Knutsen J. N. Outer Mongolian Study in Soviet Colonialism. Hong Kong: Union Research Institute. 1959. 182 p. (In Eng.)
- Kuras L. V. Ataman Semenov's Great Mongolian State of: the state that never existed. *Eurasia: statum et legem*. 2015. No. 1 (4). Pp. 84–96. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Kuzmin S.L. 2015. The Pan-Mongolian movement in the 1919–1920 and the Mongolian statehood. *Eurasia: statum et legem*. 2015. No. 1 (4). Pp. 97–107. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. The first letter of the leaders of Mongolia to the government of Soviet Russia. July 1920. *Historical Archive*. 2015. No. 6 (135). Pp. 117–129. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia – Mongolia – China, Early to Mid-20th Century: Political Relations, 1911–1946. Moscow: Ogni, 2003. 320 p. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. 'Progressors of the steppes' or Soviet specialists in Mongolia. Historical memory of one political project. In: Eastern Branches of the Russian Diaspora in Past and Present. Joint Monograph. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. Pp. 15–34. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Beyond the borders of two empires: Russian mestizos in Outer Mongolia in the twentieth century. *Ab Imperio*. 2017. No. 1. Pp. 297–261. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Creating the enemy: 'mestnorusskie' (local Russians) in Mongolia. *Obozrevatel' – Observer*. 2015. No. 9 (308). Pp. 105–119. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Post-Jeltorussia: or Russian colonists in Socialist Mongolia. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 4 (28). Pp. 80–88. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. Symbols of Soviet presence in post-Socialist Mongolia. *Political Science*. 2020. No. 2. Pp. 126–142. (In Russ.)
- Mikhalev A. V. The Mongolian Revolution of 1921 in Soviet and Russian Historiography. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2005. 154 p. (In Russ.)
- NN. Reviewing events in the Far East: Mongolia. *Vestnik Azii*. 1915. No. 34. Pp. 243–246. (In Russ.)
- Nolde B. E. International standing of Mongolia. *Pravo. Ezhenedel'naya yuridicheskaya gazeta*. 1915, August 23. No. 34. Cols. 2153–2168. (In Russ.)
- Nolde B. E. The Far and the Near: Historical Essays. Paris: Sovremennye Zapiski, 1930. 278 p. (In Russ.)
- Russia, China and Mongolia intend to develop Ulaanbaatar Railway. On: Gudok.ru. Transfer portal. Section 'Infrastructure'. Posted on June 17, 2019. Available at: <https://www.gudok.ru/news/?ID=1467234> (accessed: October 8, 2020). (In Russ.)
- Russian-Mongolian negotiations. On: President of the Russian Federation. Website. News Feed. Posted on September 3, 2019. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/61429> (accessed: October 8, 2020). (In Russ.)
- Sabanin A. V., Broun V. O. (eds.) The USSR and Foreign Countries: Collected Existing Agreements, Treaties and Conventions. Vols. I–II: Documents That Came into Force before January 1, 1925. USSR People's Commissariat for Foreign Affairs. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: People's Commissariat for Foreign Affairs, 1935. 484 p. (In Russ.)
- Sabanin A. V., Voskresensky M. M. (comps., eds.) The USSR and Foreign Countries: Collected Existing Agreements, Treaties and Conventions. Vol. I: Documents That Came into Force before January 1, 1924. USSR People's Commissariat for Foreign Affairs. Moscow: Tsentrsoyuz, 1924. 436 p. (In Russ.)
- Shirendyb B. Mongolia at the Turn of the 20th Century: History of Socioeconomic Development.

- Ulaanbaatar: Print Media Committee, 1963. 518 p. (In Russ.)
- Sneath D. Lost in the post: technologies of imagination, and the Soviet legacy in post-Socialist Mongolia. *Inner Asia*. 2003. Vol. 5. No. 1. Pp. 39–52. (In Eng.)
- Sodovsüren B. Pre-Revolutionary Mongolian State and Law. Ulaanbaatar: Ulaanbaatar Publ. House, 1989. 109 p. (In Mong.)
- Soviet-Mongolian Relations, 1921–1974: Documents and Materials. In 2 vols. Vol. 1: 1921–1940. Chief Archival Department (Council of Ministers of the Soviet Union), etc. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya; Ulaanbaatar: People's Publ. House, 1975. XVIII, 589 p. (In Russ. and Mong.)
- Tisminets A. S. (comp.) Soviet Foreign Policy. Collected Documents. Vol. I: 1917–1920. Moscow: Supreme Party School (VKP(b) Central Committee), 1944. 571 p. (In Russ.)
- Tisminets A. S. (comp.) Soviet Foreign Policy. Collected Documents. Vol. III: 1925–1934. Moscow: Supreme Party School (VKP(b) Central Committee), 1945. 800 p. (In Russ.)
- Vollosovich M. Letters from Mongolia: exploring Mongolia. *Vestnik Azii*. 1916. No. 38–39. Pp. 34–50. (In Russ.)
- Vollosovich M. Letters from Mongolia: transforming Mongolia. *Vestnik Azii*. 1916. No. 37. Pp. 44–50. (In Russ.)

